

Т. В. Данилович (г. Минск, Беларусь)

ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА В ВОСПРИЯТИИ ЮРИЯ ЖИВАГО (ПО РОМАНУ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»)

В романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» в рассуждениях об искусстве, эпохе, человеке неоднократно упоминаются имена классиков мировой литературы, наиболее часто – русских писателей (Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Некрасова, Толстого, Достоевского, Чехова, Блока, Маяковского и др.).

В сознании Живаго русская классика разделяется на художников слова, обращенных к осмыслению глобальных проблем бытия, и писателей, проявляющих «застенчивую неозабоченность насчет таких громких вещей, как конечные цели человечества и их собственное спасение» [2, с. 307]. В период Гражданской войны Юрию Андреевичу оказывается ближе творчество последних, к числу которых он относит и Пушкина: «Изо всего русского я теперь больше всего люблю русскую детскость Пушкина и Чехова... Гоголь, Толстой, Достоевский готовились к смерти, беспокоились, искали смысла, подводили итоги, а эти до конца были отвлечены текущими частностями артистического призвания, и за их чередованием незаметно прожили жизнь, как такую же личную, никого не касающуюся частность, и теперь эта частность оказывается общим делом...» [2, с. 307-308].

Пушкин для Живаго обладает «безоговорочной светоночностью» [2, с. 212], и определение собственной жизненной позиции в новом мире Юрий Андреевич осуществляет с оглядкой на него как на бесспорный авторитет личности и идеал художника. По своему мироощущению Пушкин гораздо ближе Живаго, чем большинство сограждан-современников.

Юрий Андреевич чувствует себя не у дел в новом обществе, ему претит пафос эпохи, кажутся абсолютно чужеродными настроение масс и способы

переделки мира. Отсюда, несмотря на убежденность в том, что «каждый родится Фаустом, чтобы все обнять, все испытать, все выразить» [2, с. 307], отчужденность от происходящих в стране преобразований: «Что же мешает мне служить, лечить и писать? Я думаю, не лишения и скитания, не неустойчивость и частые перемены, а господствующий в наши дни дух трескучей фразы, получивший такое распространение, - вот это самое: заря грядущего, построение нового мира, светочи человечества» [2, с. 307]. Пушкин привлекает Живаго отсутствием высокопарности, стремлением к простоте, вниманием к мелочам обыденного существования: «Сказочно только рядовое, когда его коснется рука гения. Лучший урок в этом отношении Пушкин. Какое славословие честному труду, долгу, обычаям повседневности!» [2, с. 307].

Пушкинское восприятие явлений окружающего мира для Живаго – мерило их оценки, бесспорная истина, которую необходимо принимать как данность. Это ярко проявляется, например, во взгляде Юрия Андреевича на популярную в советской литературе антимещанскую сатиру. В качестве неопровержимого доказательства правоты собственной негативной точки зрения на данную тему, как бы в пику Маяковскому, издевающемуся над теми, кто желает «у тихой речки отдохнуть» [1, т. 2, с. 558], Живаго ссылается на Пушкина: «Теперь у нас стало звучать укорительно мещанин, обыватель. Этот упрек предупрежден строками из «Родословной»:

«Я мещанин, я мещанин».

И из «Путешествия Онегина»:

Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желанья – покой,
Да щей горшок, да сам большой» [2, с. 307].

В Варыкино чтение Пушкина и размышления о его творчестве становятся для Живаго и его семьи любимыми занятиями, не оскудевающим источником духовной подпитки, средством обретения покоя и гармонии с миром и собой. В дневнике Юрия Андреевича появляются следующие

записи: «Продолжающиеся по вечерам разговоры о Пушкине» [2, с. 306]; «Без конца перечитываем «Евгения Онегина» и поэмы. Вчера был Анфим, навез подарков. Лакомимся, освещаемся. Бесконечные разговоры об искусстве» [2, с. 303]. Глагол «лакомиться» здесь в равной степени распространяется и на привезенные угощения, и на поэзию Пушкина, что подчеркивает ощущение почти осязаемого, физически ощутимого удовольствия, упоения и наслаждения, которое дарует Живаго пушкинское творчество. Подобного рода слиянность сродни мировосприятию Пушкина: в «Евгении Онегине» оказываются переплетены быт и духовное бытие героев, обыденность и рассуждения на вечные темы.

Живаго близко и отношение Пушкина к размеренной деревенской жизни. В отличие от хандрящего в глуши Онегина поэт признается, что предан душой этому миру:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны [3, т. 5, с. 27].

Герою Пастернака тоже нравится жизнь вдалеке от городской суеты. В Варыкино он словно оживает, начинает дышать полной грудью, с удовольствием и жадностью занимается физическим трудом: «Какое счастье работать на себя и семью с зари до зари, сооружать кров, возделывать землю в заботе о пропитании, создавать свой мир, подобно Робинзону, подражая творцу в сотворении вселенной, вслед за родной матерью производя себя вновь и вновь на свет!» [2, с. 299].

Живаго разделяет и пушкинскую влюбленность в природу. Он так же чутко откликается на сезонные изменения, как и автор «Евгения Онегина». И подобно пушкинскому пейзажу, у Пастернака природный мир одушевлен: «Сонно, масляными глазками жмурится солнце в лесу, сонно, ресницами игл щурится лес. Маслянисто блещут в полдень лужи. Природа зевает, потягивается, переворачивается на другой бок и снова засыпает» [2, с. 307]. В

сознании героя его собственное восприятие природы дополняется и сливается с картинами из пушкинского романа в стихах. Живаго словно пытается увидеть окружающий мир глазами Пушкина, разгадать ход его мыслей, размышляя над его поэтическими строками, вдумываясь в созданные им созвучия: «В седьмой главе «Евгения Онегина» - весна, пустующий за выездом Онегина господский дом, могила Ленского внизу, у воды, под горою.

И соловей, весны любовник,
Поет всю ночь. Цветет шиповник.

Почему – любовник? Вообще говоря, эпитет естественный, уместный. Действительно – любовник. Кроме того – рифма к слову «шиповник». Но звуковым образом не сказался ли также былинный «соловей-разбойник»? [2, с. 308].

Неточное воспроизведение в романе Пастернака фрагмента пушкинского текста* свидетельствует о том, что Живаго приводит его по памяти. Эти стихи прочно вошли в сознание героя, усвоены и «присвоены» им, стали неотъемлемой частью его внутреннего мира.

О пристальном внимании и вдумчивом отношении Живаго к Пушкину красноречиво говорят рассуждения Юрия Андреевича о соотношении формального и образно-тематического уровней пушкинских произведений. Живаго замечает, как сильно выбор стихотворного размера влияет на содержание произведений, предопределяя ход мыслей, мироощущение, образ лирического героя. Момент наступления творческой зрелости Пушкина Юрий Андреевич связывает с изменением в лирических произведениях поэта длины строки: «Но едва с подражаний Оссиану или Парни или с «Воспоминаний в Царском Селе» молодой человек напал на короткие

* Ср. у Пушкина:

Там соловей, весны любовник,
Всю ночь поет; цветет шиповник [3, т. 5, с. 123].

строки «Городка» или «Послания к сестре» ..., в подростковом пробуждался весь будущий Пушкин» [2, с. 306].

По мнению Живаго, Пушкин сумел найти наиболее органичный размер для поэтического самовыражения, обращение к четырехстопному ямбу позволило его гению раскрыться в полную силу: «В стихотворение, точно через окно в комнату, врываются с улицы свет и воздух, шум жизни, вещи, сущности. ...Точно этот, знаменитый впоследствии, Пушкинский четырехстопник явился какой-то измерительной единицей русской жизни, ее линейной мерой, точно он был меркой, снятой со всего русского существования подобно тому, как обрисовывают форму ноги для сапожной выкройки, или называют номер перчатки для приискания ее по руке, впору» [2, с. 306].

Возникающий в размышлениях героя образ Пушкина усиливает лирическое начало и расширяет смысловое пространство произведения, а сам характер интерпретации в романе пушкинского художественного мира подчеркивает литературоведческий талант и тонкую душевную организацию Живаго, глубину и неординарность его натуры, стремление выработать собственную точку зрения на явления действительности.

Литература

1. Маяковский, В. В. Сочинения в двух томах / В. В. Маяковский. – М.: Правда, 1988.
2. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго / Б. Л. Пастернак. – Мн.: Ураджай, 1991.
3. Пушкин, А. С. Полное собр. соч. в десяти томах / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1978.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ